

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Достоевский Ф. М.

DOI 10.18522/1995-0640-2023-2-120-128

ТЕМА И ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «НАДЕЖДА» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Галина Ивановна Романова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрена одна из важнейших тем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», связанная с надеждой на возрождение души преступника. Сделан вывод о том, что лексема «надежда», приобретая религиозно-философские коннотации, выполняет в романе функцию тематического концепта, воплощающего индивидуально-авторские его особенности.

Ключевые слова: тема, тематический концепт, надежда, Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»

Для цитирования: Романова Г. И. Тема и тематический концепт «надежда» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27. № 2. С. 120 – 128.

Original article

THEME AND THE THEMATIC CONCEPT OF HOPE IN DOSTOEVSKY'S «CRIME AND PUNISHMENT»

Galina I. Romanova

Moscow City University. Moscow, Russian Federation

Abstract: One of the most important themes of Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» connected with the hope for the revival of the criminal's soul is considered. It is concluded that the concept «hope», acquiring religious and philosophical connotations, performs the function of the thematic concept in the novel, embodying the individual-author's features.

Key words: theme, thematic concept, hope, Dostoevsky, "Crime and Punishment"

For citation: Romanova G.I. Theme and the Thematic Concept of Hope in Dostoevsky's «Crime and Punishment» // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27. № 2. P. 120 – 128.

Введение

Комплекс тем, развитых в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», изучался на всем протяжении его бытования. Интерпретации темы преступления и наказания в критике и литературоведении приобретали характер социально-исторический [Гроссман, 1939], религиозно-философский и морально-нравственный [Тихомиров, 2016], психологический [Горностаева, Романова, 2020], юридический [Романова, 2022] в работах не только отечественных, но и зарубежных исследователей [Достоевский в зарубежной рецепции..., 2021]. С этой темой связан вопрос о возможности искупления вины и возрождения души преступника. Обещание повествователя в конце романа дать «историю постепенного обновления человека, историю постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью» [Достоевский, 1989, т. 5, с. 520], не всем читателям показалось убедительным. О таком повороте сюжета исследователи спорят больше века. Одним из первых выразил недоверие Д. Мережковский, отметивший, что «*в романе есть покаяние, но нет раскаяния*» [Мережковский, 2000, с. 274]. Л. Шестов в книге «Достоевский и Ницше» (1903) писал, что трагедия героев Достоевского (Раскольникова, Ивана Карамазова) заключается «*в невозможности начать новую, иную жизнь*» [Шестов, с. 67]. К. Мочульский прямо заявил: «*Мы слишком хорошо знаем Раскольникова, чтобы поверить в эту благочестивую ложь*» [Мочульский 1947, с. 255]. Иной точки зрения придерживались Вяч. Иванов, Л. Гроссман, В. Кожин, В. Кирпотин, И. Виноградов и др., с полным доверием принимавшие заявление повествователя.

Отметим, что при решении вопроса о новой жизни преступника читатели акцентировали прежде всего цепь событий, изображенных в романе, что справедливо, так как сюжет является специфическим «языком» литературы, средством передачи смысла. Однако этого недостаточно. Значительному прояснению авторской позиции способствует обращение к особенностям художественной речи, в частности ее концептуальной сфере. Ведь в выборе художественных концептов, которые представляют собой сочетания не только понятий, но и «*чувств, эмоций, волевых проявлений*» [Аскольдов, с. 272], сказываются авторские намерения. Повторяемость в тексте слов, обладающих положительными коннотациями, составляющих оппозицию негативным явлениям, обозначаемым такими понятиями, как падение души, вина, отчаяние, может быть рассмотрена как реализация жизнеутверждающей темы романа, связанной с возрождением, раскаянием, надеждой.

Цель настоящего исследования заключается в анализе одного из аспектов тематики «Преступления и наказания», реализованного в романе в концепте «надежда», рассмотреть контексты, в которых формируются его специфические коннотации. Для этого необходимо применение междисциплинарного подхода – сочетания структурно-семиотического метода с элементами концептуального анализа. Положительный смысл концепта «надежда» раскрывается в ряде сюжетных ситуаций, звучит в суждениях героев, что вызывает у читателей предчувствие благоприятного исхода, реализуется в эпилоге романа в оптимистичном утверждении повествователя.

Исследование и его результаты

Решение вопроса о возможности возрождения души Раскольникова тесно связано с пониманием такого аспекта содержания, как тематика романа. Согласно концепции М. М. Бахтина, *«тема всегда трансцендентна языку. Более того, на тему направлено не слово, взятое в отдельности, и не предложение, и не период, а целое высказывание, как речевое выступление»* [Томашевский, 2002 с. 22]. Соответственно, понимание (формулировка) темы является опосредованной читательским опытом трактовкой произведения, имеющей косвенное отношение к его тексту. Однако между ними должны быть связи, в первую очередь, определенные лексемы, которым присущ не только эмоциональный заряд, но и рациональный смысл, т. е. концепты, являющие определенную «идеологическую подпочву» и, следовательно, *«условие восприятия художественного смысла»* произведения [Аскольдов, с. 272]. Термин *концепт*, актуальный в лингвистике, лингвокультурологии, вполне успешно может быть использован и в литературоведении в ходе анализа литературного произведения, в частности, аспектов его содержания. Концепты, репрезентирующие тот или иной аспект тематики, по нашему мнению, можно рассматривать как тематические. В отличие от используемых в анализе произведений Достоевского терминов «концепт» [Скулкин, 2022] «авторский концепт» [Капустина, 2021, с. 79], в термине «тематический концепт» подчеркнуто сочетание традиционных, характерных для определенной культуры представлений о духовной жизни, и индивидуально-авторских интенций, связанных с конкретным художественным замыслом, авторской позицией.

Концепт «надежда» наделен различными смыслами в истории русской культуры. В современных словарях в значении этого слова зафиксировано отражение позитивного восприятия мира, основополагающего доверия к бытию [Прозорова, 2007, с. 452]. В ряде языковедческих работ поставлена задача выявления круга значений концепта «надежда» [Сиротина, 2022] как элемента языковой картины мира, которая, отметим, учитывается и при анализе художественных произведений, отражающих культурно-историческую реальность.

Слова «надежда» и близкие ему по значению «упование», «мечта», «вера» – одни из самых частотных в «Преступлении и наказании» (использованы свыше 70 раз), что свидетельствует о повышенном интересе автора к явлению, обозначаемому этим словом. Частотность использования фиксирует внимание читателей на повышенной значимости обозначаемого душевного состояния. О надежде рассуждают и герои, и повествователь. Центральным является тот смысл, который в словаре В. Даля обозначен как *«верящее выжиданье и призыванье желаемого, лучшего; вера в помощь, в пособие»*. Надеяться – значит *«верить, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желанья вероятным»* [Даль, 1989]. Обобщенно говоря, это душевное состояние, положительная эмоция, а в переносном смысле – тот, с кем связывают перемены к лучшему. Все указанные значения реализованы в романе, но не исчерпываются ими.

В значении «реальность», «возможность» использует его деловой человек господин Чебаров: «...*есть ли надежда осуществить векселек?*» [Достоевский, 1989, т. 5, с. 120; далее при цитатах по данному изданию указаны только страницы в круглых скобках]. В письме матери Раскольниковова дважды повторяется слово «надежда» в значении «тот, с кем связаны хорошие ожидания» в паре с поэтическим, ныне устаревшим словом «упование» (от старославянского «полагаться, надеяться»): «*Милый мой Родя... ты наше всё, вся надежда, упование наше*» (с. 31) В этом же значении использует это слово и сам Родион: «*Идя к Соне, он чувствовал, что в ней вся его надежда и весь исход*» (с. 400).

По отношению к второстепенным персонажам используются выразительные эпитеты, указывающие на нереальность их надежд: у Лужина мелькнула «отчаянная надежда», у Екатерины Ивановны Мармеладовой надежда «весьма эфемерная», Пульхерия Александровна называет страсть Свидригайлова «легкомысленными надеждами». Сходную функцию выполняет слово «фантазии», употребленное в паре со словом «надежда»: Пульхерия Александровна «*не в здравом состоянии рассудка говорила о своем сыне, о своих надеждах, о будущем... Фантазии ее были иногда очень странны*» (с. 508); Катерина Ивановна «*после самых ярких надежд и фантазий, начинала клясть судьбу, рвать и метать всё, что ни попадало под руку, и колотиться головой об стену*» (с. 359).

В поле значений концепта «надежда» в романе отчасти входит и понятие «мечта» (мечтания). В этом смысле использует его Лужин («*мечтаю, что не уклонитесь, может быть, мне помочь в одном предприятии*») и Катерина Ивановна («*прошла мечта! Все нас бросили!..*»). Однако мирские мечты, в отличие от надежды, связаны с человеческими слабостями, обозначают стремление к осуществлению преимущественно корыстных (эгоистичных) целей. Так, Пульхерия Александровна и Дуня «только и мечтают» о благополучии, благодаря замужеству; влюбленный Разумихин мечтает о взаимности со стороны Дуни: он «*ясно сознавал, что мечта, загоревшаяся в голове его, в высшей степени неосуществима, – до того неосуществима, что ему даже стало стыдно ее...*» (с. 198). Предчувствие и ожидание ужасного события, которое изменит жизнь, Раскольников называет «мечтой», т. е. словом, только отчасти синонимичным слову «надежда» приобретающим в данном контексте негативное значение. Предположив возможность убийства процентщицы, он одержим своей «*безобразной мечтой*» и решает сам осуществить ее: «*пойду и опробую, что мечтать-то!*». В этом он близок Мармеладову, который, «мечтая» о поправлении своих дел, заканчивает тем, что крадет и пропивает у семьи последние деньги, обрекая детей на нищету.

Надежда не только состояние, изначально присущее человеку, особенность эмоционального строя личности. Согласно христианской традиции, надежда – основа и проявление веры в благое начало, одна из важнейших христианских добродетелей, не рациональный, а эмоциональный признак веры, не требующей аргументов и доказательств. Надежда на Божий Промысел, на спасение души дает христианину силу жить и переносить испытания. Как сказано в Библии, «*Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся*

того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» [Рим., 8, ст. 24-25]. Финал романа, в котором звучат оптимистичные ноты, традиционно символизирует видение мира как упорядоченного и имеющего высший, Божественный смысл.

Обогащение данного концепта новыми значениями происходит на протяжении романного действия и в значительной степени отражает душевную эволюцию героя: обдумав теорию, Раскольников *«готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию. Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего. Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому»* (с. 512-513). Соня вселяет в него веру и надежду на искупление вины и возрождение к новой жизни: *«Так не оставишь меня, Соня? – говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее»* (с. 400). Разоблаченный следователем, герой *«стыдился именно того, что ... погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо»* (с. 512). В эпилоге Соня из Сибири пишет Дуне о Раскольникове, подчеркивая трезвость его нового взгляда на жизнь: *«он не имеет никаких легкомысленных надежд (что так свойственно в его положении...)»* (с. 511).

В романе Достоевского вера, проявляющаяся в надежде, в уповании становится характеристикой героев. Как душевное состояние надежда у героев романа в разной степени мотивирована внешними событиями и ситуациями, проявляется во внешнем облике. Соня подтверждение своим надеждам пытается обнаружить в малейших изменениях внешности Родиона: *«она хотела высмотреть и уловить хоть какую-нибудь последнюю себе надежду. Но надежды не было...»* (с. 389). Утрата надежд ведет героев Достоевского к отчаянию, потере рассудка, к преступлению. Основное значение и положительный смысл надежды подчеркивает антоним «безнадежность», который звучит в монологе Мармеладова: *«...то есть безнадежно вполне-с, заранее зная, что из сего ничего не выйдет»* (с. 16). Состояние безнадежности, отчаяние ослабляют разум и волю, человек попадает под влияние темных сил. Самое сложное для отчаявшегося и потерявшего надежду – вернуться к жизни.

Наиболее богатый спектр смыслов использован в определении надежд, мечтаний, веры главного героя. Центральное и периферийные значения концепта использованы в прямой и косвенной речи, в описаниях ощущений и настроений. Знаменательно объяснение, что такое надежда в понимании Раскольникова, – это, по словам повествователя, «восприимчивость к лучшему», которая зависит и от физического состояния. Так, утолив жажду и передохнув в трактире, герой начинает надеяться, что все происшедшее в участке не имеет значения: *«Всё это вздор, – сказал он с надеждой... он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени... Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная»* (с. 12).

Однако в центр семантического поля концепта «надежда» в романе Достоевского выдвигается тот смысл, который связан с христианской трактовкой, что проявляется в особом соотношении слов «надеяться» и «веровать». Сближение коннотаций слов «вера» и «надежда» очевидно в монологах и диалогах персонажей о вере и безверии, а также в комментариях и рассуждениях

повествователя, чья позиция максимально приближена к авторской, в эпилоге романа, где повествователь говорит о возрождении души преступника. Нейтральное значение слова «верить» выделяется в негативных высказываниях: «...в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить. – Я не верю в будущую жизнь, – сказал Раскольников» (с. 272). Вера оказывается сродни и мечтам, и надеждам как радостному ожиданию: «И он, он – тоже ослепленный и неверующий, – он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! сейчас же, теперь же», – мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания» (с. 309). Религиозный смысл вкладывают в это слово Раскольниковы, что подтверждает и контекст, в котором оно употребляется: «...ты в жизнь еще веруешь: слава богу, слава богу! Раскольников горько усмехнулся. – Я не веровал, а сейчас вместе с матерью, обнявшись, плакали; я не верую, а ее просил за себя молиться» (с. 490). Важен контекст, ситуация, в которой звучит это слово. Доброжелательность и пронизательность звучит в словах следователя Порфирия Петровича, выражающих его надежду на лучшее в Раскольникове: «Я только верую, что вам еще много жить»; «Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец» (с. 434).

Соответственно, концепт «надежда» в романе имеет определенную ценностную ориентацию, связан с идеей блага, с христианскими добродетелями (вера, надежда, любовь), с вопросом о существовании Бога. Надежда на возрождение души человека для земной жизни и спасение ее для жизни вечной – то, что дает силы преодолеть испытания, поэтому появление надежды у главного героя в эпилоге романа расценено повествователем (и читателями, состоящими с ним в одной ценностной парадигме) как начало его новой жизни, не требующее дополнительных (сюжетных) подтверждений.

В «Преступлении и наказании» разворачивается характерный для европейской литературы XIX в. сюжет – большие надежды становятся утраченными иллюзиями молодого человека, задумавшего покорить общество, столицу, мир. Связанная с этим сюжетом тема «иллюзий» (О. Бальзак, Стендаль), «больших надежд» (Ч. Диккенс), у Достоевского трансформируется в тему больших претензий на превосходство, после разрушения которых вновь возникает надежда на возрождение души и спасение. В этом направлении трактовал творчество Достоевского Н. А. Бердяев: «Достоевский изобличает лживость претензий на сверхчеловечество. Обнаруживается, что ложная идея сверхчеловечества губит человека, что претензия на безмерную силу обнаруживает слабость и немощь» [Бердяев, 1921, с. 98]. Достоевский изображает мрачный мир, социальные низы со всеми присущими им негативными чертами: нищетой, пьянством, проституцией, преступлениями. В центре этого мира – озлобленный герой с бесчеловечной теорией, совершающий убийство. Однако в романе с самого начала явственно ощущается и оптимистичное, обнадеживающее начало.

Заключение

Таким образом, акцентирование концепта, связанного с надеждами, мечтами, верой и упованием героев, вносит ноту оптимизма в мрачный мир

романа, становится аргументом, подтверждающим возможность возрождения души преступника, а анализ темы как умопостигаемого аспекта, обретает текстуальную опору. В безрадостном мире романа Достоевского сохраняется нечто, вызывающее сочувствие и сопереживание у читателей разных поколений:

- надежда героев на себя (Раскольников, Разумихин), на достоинства ближних, тех, кого любят (Пульхерия Александровна и Дуня, Соня);

- надежда на изменения к лучшему, которые произойдут «вдруг», как это характерно для художественного мира романа (мечты и фантазии Катерины Ивановны);

- надежда на высшую справедливость жизни, которую связывают с верой в Бога (все женские персонажи, главным образом, Пульхерия Александровна, Соня, Лизавета). Роман завершается оптимистично, повествователь высказывает надежду на возрождение души преступника, так как к спасительному перерождению души ведут не только смирение и испытываемые в связи с разными событиями страдания, но и всегда живущая в душе человека надежда.

Список источников

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.

Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd, 1921. 238 с.

Горностаева С. А., Романова Г. И. Д. С. Мережковский о психологии и психологизме в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестн. Московского гос. пед. ун-та. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3. С. 27-34.

Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Гослитиздат, 1939. С. 3-52.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Электронный ресурс. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=16725> (дата обращения 05.12.2022)

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988-1996. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 575 с.

Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна. Антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гум. академии, 2021. 981 с.

Капустина С. В. Концепт «беспорядок» в романе Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филол. журн. 2021. № 3 (15). С. 76-97.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2018. 587 с.

Мочульский К. «Преступление и наказание» // Мочульский К. Достоевский: Жизнь и творчество. Париж, 1947. 561 с.

Прозорова Н. И. Надежда // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5-7.

Романова Г. И. Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и криминальная психология // Творчество Ф. М. Достоевского в контексте мировой культуры. Архангельск: ИД САФУ, 2022. С. 23-30.

Сиротина О. В. Концепт «надежда»: семантические варианты имени // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия «История и филология». 2022. № 3. С. 474-478.

Скулкин А. А. Концепт любви и формы его воплощения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2022. № 1. С. 187-207.

Тихомиров Б. Н. Роман о преступлении, наказании и воскресении Родиона Раскольникова // Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 2002. 334 с.

Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии). М.: Академический проект, 2020. 460 с. [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/17_Shestov2.pdf (дата обращения 01.12.2022).

References

Askoldov S. A. (1997). Concept and Word. *Russian Literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology* / Ed. V.P. Neroznak. Moscow, Academia, pp. 267-279. (In Russian).

Berdyayev N. A. (1921). *The Worldview of Dostoevsky*. Prague, The YMCA PRESS Ltd, 238 p. (In Russian).

Dal V. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Available at: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=16725> (accessed 05.12.2022) (In Russian).

Dostoevsky F. M. (1989). *Collected Works*: in 15 vols. Vol. 5. Leningrad, 575 p. (In Russian).

Dostoevsky in Foreign Reception: from Classics to Postmodern. (2021). Anthology. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 981 p. (In Russian).

Gornostaeva S. A., Romanova G. I. (2020). D. S. Merezhkovsky on psychology and psychologism in F.M. Dostoevsky's Works. *MCPU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 3, pp. 27-34. (In Russian).

Grossman L. P. (1939). City and People of Crime and Punishment. *Dostoevsky F. M. Crime and Punishment*. Moscow, pp. 3-52. (In Russian).

Kapustina S. V. (2021). The concept of "disorder" in Dostoevsky's "Teenager". *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, no. 3 (15), pp. 76-97. (In Russian).

Merezhkovsky D. S. (2018). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow, Nauka, 587 p. (In Russian).

Mochulsky K. (1947). "Crime and Punishment". *Mochulsky K. Dostoevsky: Life and Work*. Paris, 561 p. (In Russian).

Prozorova N. I. (2007). Hope. *Culturology. Encyclopedia*: in 2 vols. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN, pp. 5-7. (In Russian).

Romanova G.I. (2022). Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and criminal psychology. *Dostoevsky's creativity in the context of world culture*. Arkhangelsk, Publishing house of SAFU, pp. 23-30. (In Russian).

Shestov L. (2020). *Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of Tragedy)*. Moscow: Academic Project, 460 p. Available at: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/17_Shestov2.pdf (accessed 01.12.2022). (In Russian).

Sirotnina O. V. (2022). The concept "hope": semantic variants of the name. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, no. 3, pp. 474-478. (In Russian).

Skulkin A. A. (2022). The Concept of Love and its Forms in Dostoevsky's novel "The Idiot". Dostoevsky's novel "The Idiot". *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, no. 1, pp. 187-207. (In Russian).

Tikhomirov B.N. (2016). Romance about the crime, punishment and resurrection of Rodion Raskolnikov. Tikhomirov B.N. *"Lazarus! Come Out". Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in a modern reading: book-commentary*. St. Petersburg: The Silver Age, 560 p. (In Russian).

Tomashevsky B.V. (2002). *Theory of literature. Poetics*. Moscow, Aspect-Press, 334 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Романова Галина Ивановна – докт. филол. наук, доцент, профессор, кафедра русской литературы, Институт гуманитарных наук, galinroma@mail.ru

Information about the Author

Galina I. Romanova – grand Ph.D. of Philology, associate professor, professor. Russian Literature dpt., galinroma@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.